

ПРОБЛЕМА БЕЛОРУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В НАЧАЛЕ XX В.**Гронский А.Д.****Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск, Республика Беларусь**

Одной из проблем белорусской историографии, посвящённой началу XX в., является переоценка реального влияния белорусских националистов, а так же определение этого влияния в терминах, используемых для описания массовых организаций. Проблема перенесения современных стереотипов на прошлые реалии не позволяет объективно проанализировать ситуацию начала XX в. В статье делается попытка определиться с дефинициями и проанализировать причины слабой укорененности белорусского национализма как явления.

There are two problems in the historiography devoted to the beginning of the 20th century. They are the overestimation of the true influence of the Belarusian nationalists and the definition of this influence in terms used for the description of the mass organizations. This is the problem of the translation of the modern stereotypes onto the reality of the past that doesn't allow to make an objective analysis of the situation of the beginning of the 20th century. The aim of the article is to clarify the use of the definitions and analyze the reasons of the weak implantation of the Belarusian nationalism as a phenomenon.

Белорусский национализм начала XX в. оценивают сейчас с современных позиций. Поскольку есть государство с названием Белоруссия¹, есть люди, которые определяют себя как белорусы, значит нужно обосновать их законное право здесь жить и так называться. Мелкие факты, которые в своё время были даже не замечены современниками, сейчас раздуты до масштабов гениальных свершений. Одним словом, современная ситуация попросту перенесена в прошлое, без учёта обстановки того времени. Современные стереотипы и шаблоны используются для анализа прошлого. Но это не так страшно, как то, что многие уверены, что именно эти стереотипы и шаблоны существовали всегда. Происходит своеобразное искривлённое восприятие событий, их аберрация, когда несущественные в тот период явления, ставшие базой для современных взглядов, неестественно выпячиваются на первый план и тем самым деформируют представления о реальном раскладе сил в определённый период. В итоге в

учебниках и научных исследованиях происходит модернизация истории – перенос современных представлений на ситуацию прошлого. Современные белорусские исследователи не могут отойти от этого. Они рассматривают период появления белорусского национализма с точки зрения современной ситуации и современных реалий. Т.е., появление национализма («национального движения» в терминологии большинства современных исследователей) считается однозначно закономерным и, самое главное, перспективным явлением. Однако в реалиях начала XX в. ни белорусский народ, ни белорусский язык не существовали как объективная реальность. Объективной реальностью того времени была белорусская народность, говорившая на белорусском наречии. Именно этот взгляд был освящён фундаментальной наукой (исследования академика Карского). Особая белорусская реальность уже тогда предлагалась как альтернатива (выступления некоторых либеральных учёных в белорусской газете «Наша нива»), но это альтернатива не имела шансов на успех в реалиях того времени, поскольку она являлась одним из направлений (но далеко не однозначно жизнеспособным) белорусского развития.

Исходя из всего этого, мы будем наполнять термины тем значением, которым они были наполнены в начале XX в. Делая это, будет легче понять смысл того или иного вывода тогдашней науки или широко распространённого в то время какого-либо мнения. Наполнение прошлых реалий современными смыслами хорошо только для пропаганды и патриотического воспитания в соответствии с требованиями нынешнего времени, в котором патриотизм воспринимается, исходя не из привязанности к территории, а скорее из осознания выгоды для политического режима от процесса воспитания. Пожалуй, самым ярким примером модернизации истории служит перенос в прошлое современных врагов. После чего они становятся не просто противниками в определённой ситуации и в определённой

ный период, а какими-то сакральными, вечными врагами, борьба с которыми должна являться судьбой нации. В условиях современной Белоруссии эта проблема также является актуальной.

Территория, на которой сейчас находится Белоруссия, имеет постоянный статус пограничья, причём, поскольку территория небольшая, то политики и некоторые учёные соседних стран полностью включают её в ареал своего влияния. Так как в истории территории с государственным названием Белоруссия не было, современным белорусским учёным и политикам приходится оправдывать существование «тысячелетней» белорусской истории наличием в древности мифических белорусских государств, которые, как ни странно, не имели в своём названии слова Белоруссия, да и географическая территория в то время так не называлась.

Первые заявления о древности белорусов как белорусов и Белоруссии как Белоруссии появились в конце XIX в. В начале XX в. легенда о белорусской истории была создана непрофессионалами, не имевшими специального образования, и представляла собой или собственные высказывания или компиляцию чужих исторических исследований с собственной интерпретации. Специалисты, уделявшие внимание культурным и диалектным особенностям этой территории, не видели смысла в проблеме, которую поднимали первые националисты. А поскольку нет проблемы, то и нет исследований, ей посвящённых. Таким образом, после Октябрьской революции, когда белорусский национализм с помощью административного, репрессивного и прочих ресурсов советской власти² смог утвердиться на части территории, на которую имел претензии, серьёзных научных исследований, обосновывавших право белорусского национализма на гегемонию, не было. Авторы популярной публицистики стали восприниматься эталонами белорусской науки, а их больше пропагандистские, чем

научные работы – непрекаемыми научными достижениями, на которые до сих пор ссылаются, как на серьёзные исследования.

Белорусские националисты начала XX в. свою деятельность называли белорусским национальным возрождением и белорусским национальным движением. Эта терминология вышла из употребления в Советском Союзе ещё до войны, поскольку белорусский национализм всё-таки оказался не так лоялен советской власти, как этого ожидали большевики. Наивность деятелей националистических группировок, выражавшаяся в уверенности, что советский строй позволит развиваться националистическому строительству, толкала их к тому, что свои устремления они не совсем соотносили с требованиями большевистского интернационализма. В итоге большевистские репрессии прекратили распространение белорусского национализма полусоветского толка. Вся деятельность белорусских группировок была объявлена мелкобуржуазной.

Однако терминологию начала XX в. сохранили националисты, попавшие в эмиграцию. Там советская власть оказалась идеологически бессильной, поэтому читатели белорусских изданий за рубежом, получая информацию из подобных источников, начинали мыслить соответственными категориями и шаблонами. После перестройки в Советском Союзе началась переоценка ценностей. Этот процесс происходил и в Белоруссии. «Мелкобуржуазные националисты» начала XX в. стали чуть ли не национальными героями, а их деятельность вновь стала оцениваться как «возрождение».

Однако, если уточнять дефиниции, то термином «национальное возрождение» состояние белорусского дела начала XX в. обозначать достаточно некорректно. Проблема состоит в том, что возродить было нечего, так как никаких серьёзных проявлений белорусской идентификации ранее не проявлялось, а все элементы определения некоторых культурных групп

термином «белорусы» было достаточно фрагментарны и не несли национального наполнения. В истории не было государства, именованного Белоруссия, поэтому апеллирование к средневековью было достаточно натянутым. Во всяком случае, не было прямых ассоциаций территории под названием Белоруссия с такой же государственной территорией, носящей такое же название, ранее. Возрождение сербов или чехов опиралось хотя бы на то, что в средние века существовали государства Сербия и Чехия, то есть обычный крестьянин, который попадал под влияние сербского или чешского национализма мог связывать современное название территории и название средневековых государств, поэтому призыв к национальному возрождению в этих условиях звучал достаточно логично. У белорусских националистов не было такого шаблона, поэтому они не могли сослаться на достаточно простую логическую цепочку: современная Белоруссия является наследницей средневековой Белоруссии. Не видела ничего логичного в белорусском возрождении и большая часть местной интеллигенции, которая, по сути, должна являться основным распространителем националистических знаний среди массы населения. Читающая публика ассоциировала средневековое государство Великое княжество Литовское никак не с белорусами, поскольку такого названия жителей не было зафиксировано в источниках. Например, белорусские учителя начальной школы даже в конце мая 1917 г. вели себя так, что один из националистов назвал учительский съезд сходкой «истинно русских людей»³. В итоге «белорусское возрождение» сводилось по большому счёту только к попытке абсолютно бездоказательно убедить потенциальных реципиентов идеи белорусского национализма в том, что вся история региона на протяжении всего времени является историей Белоруссии, а развитие населения региона является развитием белорусского народа. Всё, что предлагалось белорусскими националистами как «возрождение» было обычным

конструированием. Естественно и сербский и чешский национализмы также занимались конструированием, но они придали протекающим процессам хотя бы внешний вид возрождения при помощи нахождения прямых параллелей современной ситуации с прошлым. В итоге термин «национальное возрождение» применительно к белорусской ситуации является некорректным с научной точки зрения и может использоваться только в политической пропаганде.

Следующая проблема дефиниций – это термин «национальное движение». Были ли белорусские группировки национальным движением, как об этом пишут белорусские исследователи, хотя никто из них не объясняет, почему используется именно эта терминология. Национальное движение – это «массовое движение в среде этнической группы для достижения ею своих интересов...⁴». Однако основным признаком общественного движения – массовостью белорусский национализм не обладал. О его существовании знало абсолютное меньшинство тех, кого сами националисты определяли как белорусов. Маргинальное положение белорусского национализма не давало ему шансов на завоевание более-менее многочисленной аудитории. Положение спас лишь Октябрь (даже не Февраль) 1917 г. Таким образом, какого-то белорусского общественного движения, состоящего из сторонников отдельности белорусского этноса, не было, были лишь маргинальные националистические группировки. Белорусское движение может быть представлено в тот момент западнорусизмом – идейным течением, возглавляемым учёными и публицистами и поддерживаемым подавляющим большинством местного населения. Это течение, имея все признаки общественного движения (в первую очередь массовость), не рассматривало белорусов как нечто отдельное, а выступало за более тесное взаимодействие всех ветвей «триединого русского народа». Желание видеть белорусов не отдельной нацией, а частью русского народа в то время вряд ли можно

было считать антинациональным актом. Белорусы в массе не стремились определять себя как отдельный народ, поэтому состояние «русского триединства» вполне может рассматриваться как достижение интересов этнической группы (в нашем случае народности).

Тем не менее, белорусские националисты начала XX в. определяли свою деятельность именно как национальное движение, ставя её в противовес польской и русской деятельности, которые определялись как национализм⁵. Налицо предвзятость такого подхода, при котором своя активность называлась национальным движением и рассматривалась как нечто положительное, а активность политических оппонентов, воспринималась негативно и обозначалась как национализм.

Полицейская аналитика того времени, в которой также отразились оба термина, не всегда точно различала понятия «национальное движение» и «национализм». Так, вышедшая из под пера офицеров Департамента полиции докладная записка «Обзор революционного движения в Белоруссии и возникновение Громады» (первый вариант в 1908 г. и второй, со вставками, в 1913 г.)⁶ была посвящена только деятельности белорусского национализма. Хотя, исходя из названия, на её страницах должна была рассматриваться деятельность в первую очередь польских и еврейских революционных организаций, имевших куда более заметное влияние на ситуацию в Белоруссии, чем малочисленные белорусские группы. Тем не менее, под «революционным движением в Белоруссии», видимо, понималось только «белорусское движение». В записке под белорусским национальным движением понимаются в первую очередь националистические группы. Это можно определить по тому, что оно противопоставляется «русской консервативной группе» и «польской шовинистической группе»⁷. Во втором варианте записки есть вставка, в которой упоминается и о западнорусском движении, но только о той его части, которая беспокоит

политическую полицию, по каким-то причинам выступая как националистическая организация⁸. Видимо, для политической полиции под белорусским национальным движением понималось всё же то, что связано с подозрительной деятельностью среди белорусов, т.е. то, что можно было подогнать под понятие революционного движения. В той же записке наряду с понятием белорусское национальное движение используется понятие белорусский национализм⁹. Вряд ли сотрудники политической полиции видели в этих терминах положительное или отрицательное наполнение. Для авторов записки, судя по всему, и тот, и другой термины выступали как синонимы.

Так же расплывчато использовали термин «белорусское движение» и учёные. В частности, академик Е.Ф. Карский в своём исследовании «Белорусы» посвятил проблеме белорусской активности начала XX в. и её влияния на литературу целый параграф, который так и озаглавил «Белорусское движение»¹⁰. Карский не употребляет термин «национальное», он пользуется понятием белорусское движение, которое, в зависимости от сюжета, рассматривает или очень широко, включая в него как националистов, так и западнорусов, или достаточно узко, когда говорит только о националистах. Во всяком случае, уже только включение в параграф информации о западнорусских изданиях даёт повод говорить, что для Карского белорусское движение имеет в первую очередь широкое наполнение.

И, наконец, обратимся к термину «национальное» (национальное движение, национальное возрождение). «Национальное», это скорее то, что определяет характеристику большой компактной и относительно единообразной группы людей, то, что поддерживается этой группой или то, что выражает её стратегические интересы. Белорусская пропаганда начала XX в. была не только не популярна в среде белорусов, но и практически неизвестна. Из того небольшого количества людей, кто знал, что такое белорус-

ский национализм, большинство узнало о нём только после Февральской революции, когда монархические, проимперские идеи, очень популярные в среде белорусского крестьянства, потеряли свою актуальность.

Таким образом, даже понятие «национальный» вряд ли стоит использовать при анализе белорусской действительности начала XX в. Скорее термином «национальный» пользовались различные группировки, пытающиеся объявить себя представителями всего населения. Естественно, что в таких условиях в понятие «национальный» вкладывались совершенно различные, порой противоположные смыслы. И то, что для одних являлось настоящими национальными потребностями или национальной необходимостью для других представлялось совершенно антинациональным. Уверенность в том, что белорусский национализм начала XX в. был «самым национальным» является не более чем перенесением современных представлений на ситуацию столетней давности.

Исходя из вышеприведённых аргументов, белорусское дело начала XX в. можно свести к границам термина «белорусский национализм», поскольку определение национализма как «идеологии, практики и группового поведения, основанных на представлении о приоритете национальных интересов своего этноса»¹¹, полностью соответствует наполнению значения, учитывая, что понятие «национальные интересы» в данном случае выступает не как определение объективных проблем, а лишь тех, которые считаются таковыми для конкретной националистической группировки. Данная формулировка более приемлема в силу того, что ни массовости, ни силы белорусский национализм не имел. Но поскольку он существовал как проект, то лучше его определить как практику группового поведения, свойственную малой группе. Таким образом, границы белорусского проекта начала XX в. укладываются в рамки понятия «национализм».

Пожалуй, первым актом зарождения белорусского национализма, можно считать появление предисловия к написанной латинским шрифтом «Дудке белорусской» (1891 г.) Матея Бурачка (псевдоним польского повстанца Франциска Богушевича). Он зафиксировал один из элементов отличия белорусов от остальных народов. Этим элементом был язык. «Братцы милые, дети Земли-матери моей! Вам жертвуя труд свой, хочу с вами поговорить немного о нашей доле-недоле, о нашем отцовском извечном языке, который мы сами, да и не одни мы, а все люди тёмные «мужицким» зовут, а зовётся он «белорусским¹²», – так начинается предисловие к книге стихов. Бурачок-Богушевич очень точно уловил то, на чём можно было сыграть для становления в сознании народа восприятия себя не такими, как соседи – отличия в народном говоре. Тем более, что «губернии, от Польши возвращённые» были объектом интереса российской интеллигенции как край с оригинальной культурой, в которой смешались элементы русского и польского. Уже своим поздним вхождением в состав Российской империи, эти территории несли на себе клеймо отдельности, пока ещё не интергированности в общеимперскую территорию. Российская элита воспринимала край как русские земли, когда-то захваченные поляками, которые с тех пор имели здесь культурную и интеллектуальную доминанту. Местное крестьянство, к которому обращался Матей Бурачок, было достаточно далеко от каких-либо идей национализма и споров о языке, но малочисленная национально озабоченная интеллигенция постоянно подталкивала крестьянство к идентификации себя как белорусов. Язык был самым важным маркером национальности на тот момент. Особенно актуальным это было для белорусского национализма, так как религиозная идентичность не давала возможности существования белорусам, определяя население или как русских (если человек был православным) или как поляков (если человек являлся католиком). Особую актуальность

языковая проблема получила с появлением группировок белорусского национализма в начале XX в. Белорусские националисты выступили за развитие белорусского языка и предложили начать обучение на нём в начальной школе, утверждая, что именно белорусский язык даст крестьянским детям большие шансы овладеть школьной программой. Однако это предложение так и осталось на уровне предложения. Власти не видели смысла переводить обучение в начальной школе с русского языка на диалект того же русского. Все серьёзные учёные того времени, изучавшие белорусские говоры, не рассматривали их совокупность как отдельный язык. Понятие «белорусский язык» использовалось ими в качестве аналога понятию диалект, наречие, т.е. говор социальных низов¹³. Если бы народные говоры разных регионов объявлять отдельными языками, их оказалось бы несколько десятков, если не больше. В конце XIX в. свою работу по изучению белорусских говоров начал будущий академик Е.Ф. Карский. Он выпустил трёхтомник «Белорусы», посвященный развитию народного белорусского наречия¹⁴. Труд Карского наносил удар по националистическим заверениям о самостоятельности белорусского языка, но он был использован не сторонниками триединства русского народа, а как раз белорусскими националистами, которые, не обращая внимания на доказательства отсутствия самостоятельного белорусского языка, сконцентрировались на перечислении диалектных отличий, которые были объявлены отличительными особенностями белорусского языка. Скорее всего, это было сделано сознательно. Но в силу отсутствия специального гуманитарного образования у практически всех деятелей белорусского национализма могло быть и обычным непониманием научного текста. Однако, скорее всего это было сознательное игнорирование неудобных доказательств, отвергающих систему «своих» взглядов. Ведь на научном уровне с тем же Е.Ф. Карским никто из белорусских националистов спорить не мог, по-

этому, оставалось лишь выражать сожаление о том, что такой великий учёный не понимает настоящей «правды»¹⁵. Кроме того, для придания весомости своим требованиям отдельности белорусского языка представители белорусского национализма достаточно просто объясняли отсутствие упоминания о нём в прошлом. Так, в небольшой брошюре «На дарозі да новаго жыцця» её автор Антон Новина (псевдоним А. Луцкевича) в комментарии к фразе из Литовского статута 1588 г. о том, что писари в Литовской Руси обязаны писать только по-русски, а не по-польски, прямо указывает «по-русски ... значит по-белорусски», обосновывая это только тем, что жителей Литовской Руси раньше называли русскими, и их язык, соответственно, русским, а жителей Московской Руси – москвитами, чей язык не русский, а московский¹⁶.

Ситуация же в регионе была для националистов достаточно пессимистична. Крестьяне, на которых в первую очередь рассчитывали националисты, совершенно индифферентно относились к националистическим лозунгам. Крестьянские дети обучались в начальных школах на русском языке вполне логично, ведь русский был государственным языком, именно на нём писались официальные документы, инструкции и т.д. Знание русского языка обеспечивало крестьянину возможность однозначно понимать официальные документы. Примерно такую же роль раньше на территории Северо-Западного края играл польский язык, но после восстаний 1830–1831 и особенно 1863–1864 гг. имперское правительство очень сильно сократило сферу его применения. Кроме того, русский язык был языком проповедей Православной Церкви, а польский – Католической. Однако и священники, и учителя время от времени использовали в начале обучения или для объяснения библейских сюжетов местные говоры для более доступного понимания материала. Проблема их использования состояла в том, что найти учителя или священника, знавшего диалект опре-

делённого региона было сложным. Поэтому, даже если бы правительство допустило в школы белорусские говоры, это ничего бы не дало, поскольку, например, Гродненщина и Могилёвщина говорили на разных диалектах. Нужны бы были учителя и священники, возвращавшиеся в свой регион. Кроме того, перевод русскоязычных учебников сразу на несколько белорусских диалектов ради обучения небольшого количества школьников в каждом регионе, был бы экономически невыгоден. Также обучение не на языке государственного общения очень резко суживало круг возможностей выпускников школ. Например, невозможность карьерного роста у поволжских немцев до революции была напрямую связана с обучением в начальной школе на немецком языке¹⁷. Ученик, привыкший к получению сведений не на русском языке, в будущем уступал по скорости восприятия информации, естественно, это лишало его возможности конкурировать с выпускниками русскоязычных школ. Обучение на местном говоре или языке толкало выпускников к оседанию в своём регионе и было связано с невозможностью сделать серьёзную карьеру. Регионализм мог вполне вызывать комплекс неполноценности, а для его преодоления могли появиться сепаратистские настроения. Вследствие которых при удачном стечении обстоятельств региональная элита может стать государственной. Естественно, что такой сценарий не устраивал имперские власти, хотя некоторые имперски настроенные интеллектуалы продумывали такие последствия¹⁸.

Поскольку крестьянство никак не различало белорусский и русский языки как нечто обособленное, у него не стояло вопросов по поводу того, каким языком пользоваться. Между собой они говорили на «мужицком» языке, обращение в администрацию писали на литературном или близком к литературному русскому, но и то и другое для крестьян были вещами одного порядка. Это были как бы социальные диалекты одного языка. Если крестьянский школьник продолжал дело отца, то есть оставался в своей

социальной группе, он говорил по-белорусски, если поступал учиться дальше и получал новый социальный статус, переходил на русский или, в некоторых случаях, на польский язык. Таким образом, язык для крестьянина означал не национальную принадлежность, а социальный статус. Естественно, что каждый родитель желал своему ребёнку лучшей доли, поэтому знание русского являлось большей ценностью, чем проповедование непонятного крестьянам разделения их говора с говорами чиновников. То, что для белорусских националистов представлялось предательством своего народа, для массы крестьян было всего лишь переходом в более высокий статус, который абсолютно никакого предательства по отношению к оставшимся не представлял.

Другое дело, что перетекание местного населения «в русские» не давало шансов белорусскому национализму создать свою базу среди крестьянства. Говорение на русском языке постепенно лишало возможности крестьян воспринимать себя как нерусских, а это было серьезным ударом по белорусскому национализму, поскольку язык на то время был, пожалуй, единственным средством размежевания белорусов от своих очень похожих соседей. Таким образом, расширение образования было невыгодно для белорусского национализма, ведь оно происходило на русском языке. Однако социалистические идеи не позволяли носителям националистических установок выступать против образования вообще, поэтому приходилось делать заявления, в которых приветствовалось открытие школ и библиотек, но постоянно утверждалось, что крестьяне были бы очень рады, если бы это всё было на белорусском¹⁹. Кстати, крестьян белорусские националисты не спрашивали, хотят ли они обучаться на белорусском или нет. Кроме того, в школьных хрестоматиях того времени были тексты на церковнославянском и русском языке. Последний подразделялся на три наречия, которые также были отражены в хрестоматиях. Поэтому школь-

ники получали представления о белорусском уже из курса русского языка²⁰. Очень интересным может представляться факт трактовки того, что в белорусскоязычной газете «Наша нива» чертежи ульев и прочих построек для сельского двора подписывались по-русски. Этим, возможно, подсознательно белорусские националисты разделяли сферу применения белорусского и русского языков. Всё-таки более структурированное явление – чертёж – имело подписи на русском, чертёж не был публицистикой или пропагандой, вполне возможно именно поэтому и подписывался по-русски. Отождествление носителей языка с отдельным народом с расширением образования постепенно сокращало шансы для белорусских националистов найти себе подходящий ведомый народ. Вполне возможно, что имперская власть также понимала это. Во всяком случае, правительство Николая II постоянно увеличивало расходы на начальную школу²¹. Хотя правительство вряд ли даже рассматривало возможности белорусского национализма, он практически был неизвестен и на белорусской территории. Наверное, больше имперскую власть волновало конструирование украинцев, поскольку Галиция и Закарпатье находились на территории Австро-Венгрии, куда не доходило российское влияние. Русские в Австро-Венгрии совершенно небезосновательно рассматривались венскими властями как своеобразная пятая колонна в случае войны с Россией. Поэтому австрийскому правительству было очень выгодно создать лояльные Вене группировки из восточнославянского населения империи. Эти группировки расширяли свою деятельность и на территорию России, поэтому российские власти могли совершенно резонно опасаться появления украинских проавстрийских группировок в период создания Тройственного Союза. То, что австрийские власти делали ставку на украинское движение как альтернативу тяготения к России, подтверждается многочисленными документами²².

Кроме борьбы за языковое размежевание, белорусские националисты ещё боролись и за размежевание национальное. Они сознательно вводили в письменность своеобразное обозначение русских как народа – «расейцы». По мнению академика Е.Ф. Карского это было искусственная конструкция, которая появилась для того, чтобы разорвать представления белорусских, в первую очередь православных, крестьян о себе как о представителях единого русского народа²³. Восприятие термина «русский» в качестве синонима понятию «православный» и научное обоснование триединства русского народа не могли положительно влиять на распространение белорусских националистических воззрений в обществе. Именно поэтому националистическим авторам потребовалось каким-то образом отделить название «русский» от основной массы великорусов, назвав их «расейцами».

Ещё одна серьёзная языковая проблема для белорусских националистов заключалась в письменности. Дело в том, что православное население предпочитало на письме использовать кириллицу, а католическое – латиницу. Поскольку среди белорусов православных было большинство (более 80 %), то кириллица использовалась более массово. Однако представители белорусского национализма практически все были католиками, то есть воспитывались в польских традициях и привыкли к использованию латиницы как «своего», «настоящего» письма. Для того, чтобы распространять свои идеи на как можно более широкий круг населения, национализм пользовался обеими графическими системами. Причём сами националисты называли кириллическую графику русскими буквами, а латинскую – польскими²⁴. Это давало возможность крестьянам понимать, какой шрифт используется, но это же подчёркивало маргинальность белорусского письма, которое оказывалось или русским, или польским. Признание нежизнеспособности белорусского языка как отдельной самодос-

таточной системы распространения информации вела к кризису белорусского национализма и потере смысла его существования. Для навязывания своего мнения была необходима сила, которой белорусские националисты не располагали, поэтому белорусский язык остался таковым для лишь небольшой группы заинтересованных в этом людей, для остальных незаинтересованных в нём лиц он был лишь диалектом русского языка. И дело здесь не только в том, что на самом деле представляет собой набор белорусских слов – язык или диалект. Как пишет В.А. Тишков, среди ученых существует очень ёмкое выражение: «язык – это тот же диалект, но только с армией»²⁵. Ещё Ф. Богусевич, в предисловии к «Дудке белорусской» очень точно оценил роль говорения на белорусском языке для развития белорусского национализма: «Не покидайте же языка нашего белорусского, чтобы не умерли!»²⁶ Таким образом, обоснование существования белорусского языка было необходимо для существования белорусского национализма, поскольку язык был самым ярким отличительным маркером.

Изначально белорусский национализм имел в своих рядах людей, относительно далеко отстоящих от белорусской культуры. Практически все белорусские националисты первого поколения вышли из среды обнищавшего польского дворянства, населявшего территорию некогда бывшего Великого княжества Литовского. Примечательно, что националистических лидеров по социальному статусу можно было отнести к разночинцам, именно эта среда оказалась наиболее податлива на переход в новую идентичность. Пропаганда же белорусского национализма была направлена на крестьян, как на носителей белорусскости, которую нужно было разбудить. Вполне возможно, что именно поэтому между националистической интеллигенцией и крестьянской массой не сложилось доверительных отношений. Националисты, как минимум их часть, несомненно, были знакомы с крестьянским бытом и обладали словарным запасом, который

достаточно легко понимался крестьянами. Но на крестьянском языке националисты хотели донести до крестьян то, что привычно поступала как информация на русском языке.

Для того, чтобы как то обосновать свои претензии на влияние в регионе, националисты объявили белорусами всех местных христиан, которые в быту пользовались белорусскими говорами. Интеллигенция и чиновники, бывшие местными уроженцами, также объявлялись белорусами, которые стараются это скрыть, потому что стесняются. Однако сами чиновники и интеллигенты не соотносили себя с белорусами. Они были если не русскими, то «краёвыми поляками». Ментальность последних была польской, они говорили на польском языке и в большинстве выступали за возрождение польского государства. Таких людей можно было объявлять кем угодно, но их ментальность и самоидентификация от этого не менялись. Поэтому заявлять, что большинство дворянства и интеллигенции не поляки или русские, а ополяченные или русифицированные белорусы было глупо. Носители идентичности сами более точно могут сказать, кто они, чем кто-нибудь со стороны.

Естественно, что для становления и развития любой нации нужны национальные герои – люди, на которых будут равняться остальные представители нации. Белорусские националисты таких героев сразу предложить не смогли. Герой, литературный или национальный, представляет собой не конкретного человека, а некий идеальный образ, который является эталоном для представителей нации. Национальный герой быстро обрастает легендами и мифами и воспринимается уже как некий сверхчеловек с идеальной биографией, не делающий ошибок. Именно идеальный образ, а не его реальный прототип является национальной гордостью. Образ героя начинает транслироваться в художественной литературе, восприятие этого образа становится шаблоном, а этот шаблон начинают ис-

пользовать как реальность околону научные исследователи-популяризаторы и даже иногда серьёзные учёные. Мифы о героях полнее свидетельствуют о героическом образе, чем строчки реальных биографий²⁷. К тому же реальные национальные герои, как и любой человек, обладают рядом неидеальных черт. Пока такой «герой» жив, «баланс героического и негероического в нём колеблется и не предрешён. Одна смерть всё ставит на свои места»²⁸. Живущий претендент на звание национального героя может повести себя неподобающим образом, чем дискредитировать саму «национальную» идею, тем более, если она находится в зачаточном состоянии и практически не имеет шансов выжить.

Первые белорусские националисты не могли найти «национальных героев», способных удовлетворить всем требованиям. Инициатор белорусского национализма Ф. Богушевич, призывая крестьян к идентификации Великого княжества Литовского с Белоруссией, тем не менее, не называл конкретных белорусских героев, сражавшихся за родину в средние и иные века. В начале XX в. белорусский национализм начал эксплуатировать образы великих князей литовских как белорусских правителей. Эта привычка была вычищена советским периодом, но осталась в среде белорусской эмиграции, а в период перестройки опять вернулась в белорусскую историографию и эксплуатируется до сих пор, что вызывает логичные обвинения со стороны некоторых (к сожалению не всех) российских учёных²⁹. Однако героизация средневековых князей оказалась неудачным проектом. Крестьянин попросту не замечал никакой логической или другой связи, например, между деяниями великого князя литовского Витовта и современной крестьянину начала XX в. ситуацией. Кроме того, сами крестьяне не являлись носителями какого-то регионального патриотизма. Причём такая ситуация тянулась достаточно давно, с периода первых уний Великого княжества Литовского с Польшей. Постепенное польское

влияние на жизнь западнорусского населения, привело к тому, что у высших слоёв постепенно героические русские образы трансформировались в польские, т.е. поменялся пантеон героев. Огромная же масса крестьянства своим положением вообще была выведена за рамки циркуляции различных государственно и территориально ориентированных высоких эмоций. В Польше крестьяне не являлись защитниками государства. Если они шли воевать, тогда они меняли статус. То есть крестьянин, защищавший родину, становился шляхтичем, и, естественно, переходил на другой, более высокий социальный уровень. Таким образом, для польских крестьян, как и для крестьян западнорусских, патриотизм был ненужной эмоцией, которая была актуальна для других социальных групп, но не для крестьянства. Постепенно народная масса стал забывать русский героический эпос, бытовавший ещё со времён Древнерусского государства³⁰, поскольку он оказался не нужен крестьянам для существования в своей социальной нише, а для перешедших в другую, более высокую нишу, актуальным были уже не русские, а польские герои. С конца XVIII в., когда восточные земли Польской Речи Посполитой вошли в состав Российской империи, у белорусских крестьян стала появляться общерусская имперская героика. Это было связано в первую очередь со службой в российской армии. Если крестьяне в Польше никогда не имели статуса защитников Родины, этим занималась шляхта, то в Российской империи служба в армии не давала абсолютно всем перспектив перейти в другой социальный слой. Белорусские крестьяне, отслужившие в императорской армии, возвращались к себе в деревни и, рассказывая о боевых действиях против других государств, подспудно формировали у крестьянской молодёжи уверенность в том, что крестьяне также причастны к защите Родины, которая в этом случае начинала представляться не как небольшой регион, а как большая страна. Судя по всему, российский имперский патриотизм у белорусских крестьян уже начал

формироваться во второй половине XIX в. Видимо, именно поэтому польские повстанцы в 1863 г. расправлялись с отставными солдатами, вернувшимися в свои деревни, даже если эти отставники были католиками.

Себя на роль героев белорусские националисты выдвинуть не могли по вполне тривиальным причинам – они вряд ли пошли бы на верную смерть ради идеала свободной и независимой Белоруссии. Ведь герой должен обладать, кроме всего прочего, элементом трагизма: умереть за родину, сражаясь с превосходящими силами врагов, погибнуть под пытками, но не отречься от великой идеи, наконец, просто потерять семью из-за своей общественной деятельности на благо отечества. Вариантов трагизма множество. Трагедия – результат и смысловой предел героизма³¹. Ничем из перечисленного набора трагизмов белорусские националисты не обладали. Они были обычными интеллигентными людьми своей эпохи, не желавшими резких перемен и готовых удовлетвориться хотя бы признанием своей региональной значимости. Первые белорусские националисты не имели харизмы, они не были вожаками масс и не могли ради идеи пойти на смерть. Они предпочитали приспособливаться к изменяющейся ситуации, чтобы выжить и продолжать действовать. Естественно, что, сохраняя себе жизнь в любых условиях, белорусские националисты получали возможность и дальше вести пропаганду, однако никто из них не решился на смерть ради идеи, чтобы его образ оставшиеся в живых могли эксплуатировать как героический. В итоге коллаборационистское поведение представителей белорусского национализма, его заигрывания с любой доминирующей в регионе силой, отталкивали от него крестьянскую массу, не привыкшую понимать тонкости высокой политической игры и уступок ради достижения своих целей³².

Другой проблемой разработки белорусской национальной героики стало стремление найти таких персонажей, которые бы могли своей жиз-

нью и поведением подчёркивать отдельность белорусов от русских или поляков. Декларирование так называемого «литвинского патриотизма», когда польская³³ элита Великого княжества Литовского подчёркивала свои отличия от жителей собственно Польши, не могло служить примером, поскольку все эти различия в предках могли быть постигнуты людьми интеллигентных профессий. Для крестьян же всё должно представляться более просто.

Националистическая (а с точки зрения националистов, национальная) героика стала оформляться достаточно поздно – во время Первой мировой войны. Пожалуй, первым «белорусским национальным героем» стал Викентий Константин Калиновский – один из руководителей польского восстания 1863–1864 гг. в Северо-Западном крае. Для придания белорусских черт образу новоиспечённого «героя» его создатель Вацлав Ластовский переименовал Константина в Касцюка и наполнил его деятельность мифической борьбой за независимость белорусского народа³⁴. На самом деле ничего белорусского в деятельности Калиновского не было, а апеллирование к тому, что он писал листовки на белорусском языке несостоятельно только потому, что, например, немцы в период Великой Отечественной войны тоже выпускали листовки на белорусском языке, но немцев не считают ни белорусским патриотами, ни белорусскими националистами³⁵. Образ Калиновского-белоруса был выгоден националистической пропаганде того времени, поскольку на тот момент являлся очень конъюнктурным. Во-первых, конструирование образа проходило под немецкой оккупацией, т.е. на территории, контролируемой противниками России, а Калиновский имел как раз антироссийскую направленность своей деятельности. Во-вторых, на оккупированной территории очень широко вёл свою пропаганду польский национализм, которому тоже надо было противостоять, поэтому вырывание польских героев и перевод их в белорусские был

необходим, чтобы для обывателя застолбить первыми образ именно белорусского героя³⁶.

Белорусский национализм представлял собой явление, слабо укоренённое в ситуацию начала XX в. Белорусская идея, как идея отдельности белорусского народа от русского, появилась практически в самом конце XIX в., причём в головах очень ограниченного круга интеллигентов. Конечно, было бы интересно рассмотреть мотивы, которые двигали предвестниками белорусского национализма. Ведь кроме своеобразной моды на пробуждение славянских и не только славянских народов нужно было иметь в запасе и обоснования, почему именно белорусы достойны выделиться из русских как отдельный элемент. Напомним, что вся официальная наука не рассматривала белорусов как отдельный народ, а белорусские говоры как отдельный язык. Таким образом, идеи белорусского национализма вступали в противоречие не только с российской администрацией, но и академической наукой. Некоторые активные националисты в советское время стали академиками Белорусской академии наук, из чего можно сделать вывод, что их знания и опыт соответствовали статусу учёного. Однако сразу же вызывает вопросы их профессиональная подготовка. Ни один из этих академиков не имел высшего образования по профилю, а в большинстве случаев вообще не имел высшего образования. Академиками они были просто назначены, ведь кто-то должен работать в академии наук или преподавать в вузах³⁷. Причём, кандидаты в академики с высшим образованием по профилю, научными степенями и к тому же получившие известность как профессиональные, например, филологи не были допущены в храм белорусской науки. И не потому, что были сомнения в их квалификации. Тот же академик Е.Ф. Карский работал в Петрограде – городе, который своей научной школой и качеством научных исследований превосходил Минск в десятки, если не сотни раз. Попросту такие учёные,

как Карский, не соответствовали новой доктрине большевиков о праве наций на самоопределение. Карский остался верен своим научным выводам в отношении того, что белорусского языка не существует, а есть только белорусское наречие русского языка³⁸. Кстати, практически все филологические кадры, которые собрал Карский для работы в открывшемся в 1921 г. Белорусском государственном университете, так или иначе отказались участвовать в исследованиях белорусского языка. Они предпочитали или переквалифицироваться или уезжать, но только не участвовать в научном обосновании того, во что не верили, и что не могло быть реальностью с точки зрения их профессионализма.

Однако вернёмся из экскурса в белорусскую советскую гуманитарную науку к реалиям Российской империи. Итак, белорусский национализм появился как некая реальность, хотя большинство населения эту реальность не замечали или попросту о ней не знали. Представители этой реальности для своей фиксации в восприятии населения должны были, как минимум, проводить активную пропаганду своих идей. Пропаганда, конечно, проводилась, но вот её влияние на массы оставляло желать лучшего. Если судить по текстам самих белорусских националистов и их современных интерпретаторов, тогда картина влияния белорусской идеи на массы становится самой радужной. По их мнению, выходило, что крестьяне массами идентифицировали себя как белорусов, зачитывались белорусскоязычными газетами и выступали за как минимум культурную автономию. Однако, если проанализировать газету «Наша нива» и высказывания современников, картина получается отчасти другая. Например, представители польского общества в Северо-Западном крае очень критически относились к возможностям белорусского национализма и писали, что белорусские газеты не распространяются и массово лежат на складах никем не востребованные, а «Беларускі лемантар» («Белорусский букварь») не имеет спроса³⁹. Нацио-

налистическая пропаганда не имела успеха даже в регионах, наиболее подверженных антироссийским настроениям. Крестьяне попросту ничего не знали о существовании белорусского национализма⁴⁰.

Почему же местная интеллигенция, ориентированная на местных же крестьян, так и не смогла оказать на них какого-либо влияния и осталась практически незаметна для современников⁴¹. Дело в том, что белорусские националисты представляли собой образ неуспешных людей, людей, которые не смогли устроиться в жизни. Подавляющее большинство будущих белорусских националистов были поляками. Тут мы имеем в виду не кровь, а сознание той среды, в которой они росли. Католическое вероисповедание и наличие корней мелкой шляхты определяли человека не как белоруса, а как поляка. Поэтому изначальное воспитание белорусских националистов было польским. Повзрослев, эти люди должны были найти своё место в жизни, но в силу ряда определённых причин, не нашли его. В итоге они оказались аутсайдерами в своей (в данном случае польской) культуре. У них был ещё один шанс укорениться в общественной структуре, отбросить свою привычную польскую культуру и попытаться солидаризироваться с русскими. Однако это также им не удалось. Кто-то, как, например, В. Ластовский, пытался это сделать, кто-то, например, Э. Пашкевич – нет. В итоге и те, и другие не попали ни в обойму «польскости», ни в обойму «русскости». И в том, и в другом случае они оказались на периферии культур, т.е. и для «успешных» поляков, и для «успешных» русских они были аутсайдерами. Однако будущие белорусы не смирились со своим положением в конце любой из структур, они попытались создать свою собственную структуру по образу и подобию тех, которые оказались более успешными. Белорусская идентичность, в отличие от польской и русской, была достаточно перспективной. Во-первых, ещё в конце XVIII в. в Восточной Европе начали зарождаться славянские национализ-

мы, а в XIX в. этот процесс охватил практически все славянские народы. Культурные отличия белорусского населения от общерусского контекста были подготовлены начавшимися в XIX в. этнографическими исследованиями и выделением белорусов в отдельную ветвь русского народа. Однако ни наука, ни идеология того времени не заявляли о белорусах как некоем самостоятельном народе. Несмотря на то, что наука не подтверждала отдельность белорусов, аутсайдеры воспользовались её данными, интерпретируя их в свою пользу. Нужно заметить, что славянские национализмы и национальные движения стремились к определённому единству, например, проводили славянские съезды. Однако место для белорусов, так же как и для украинцев, на этих съездах не оказалось. Лидеры славянских национализмов не видели особенности белорусов и не приглашали их к участию в славянской работе. Белорусских националистов, конечно, это возмущало, но ничего, кроме критики такого поведения «братьев-славян» в белорусской газете «Наша нива» они предложить не смогли⁴². Вообще белорусский национализм поддерживали только те, кому это было выгодно. Например, польские организации, которые ещё в 1895 г. объявили, что будут поддерживать любое проявление сепаратизма в Российской империи⁴³. Таким образом, польская поддержка была не актом признания, а всего лишь спонсированием противников сильной России. Видимо, именно польские националисты помогли своим белорусским коллегам начать издательскую деятельность, поскольку у самих инициаторов белорусской идеи попросту не было средств на содержание нескольких издательств и денег на путешествие за границу.

Таким образом, всем, кто не смог проявить себя как поляк или русский, было предложено проявить себя как белорус. Чем было выгодно именно такое предложение? В первую очередь местом в новой национальной структуре. Если крестьяне являются самой низшей ступенью бе-

лорусского народа, то все, кто пытается строить эту структуру, становятся выше крестьян, т.е. маргинальная интеллигенция становится национальной, получает ведомых. А для интеллигенции забота о благе народа, даже при нежелании народа, чтобы о нём кто-нибудь заботился, является прямой обязанностью (опять же по убеждению самой интеллигенции, а не народа). Таким образом, объявив себя белорусской интеллигенцией, неудачники приняли на себя тяжкое бремя убедить народ в том, что он является белорусским.

Национализм по своей сути должен поддерживаться нацией, поскольку он очерчивает её интересы и заявляет о них. Однако в случае его зарождения любой национализм присутствует как явление маргинальное, его носители выступают против той среды, в которой были воспитаны и мышлением в категориях которой национализм был подготовлен. Именно потому изначально национализм переживает кризис становления. Он не имеет поддержки в массах, он попросту не укоренён. Таким образом, националисты вынуждены искать не столько аудиторию для трансляции своих взглядов, сколько способ достать средства на поддержание порой элементарного существования. Если среди националистов есть богатые люди, проблема с поддержанием жизни и пропагандой как-то решается, но если круг националистически заинтересованных лиц составляют только лишь аутсайдеры региональных культур, не имеющие порой средств для существования, тогда проблема ставится в другом ракурсе: национализму нужно найти силы, заинтересованные в его существовании. Белорусский национализм оказался именно перед таким фактом. Причём, сами националисты не мучались вариациями выбора, так как перспектива была одна – поляки, которые были готовы поддержать любую сепаратистскую группировку. Появление белорусского национализма вполне вписывалось в польские планы. Лидеры польских националистов были не прочь помочь

«триединому русскому народу» стать тремя отдельными народами. Польские партии и организации достаточно быстро определили роль и место белорусских националистов в возрождении польского государства. Причём, желания носителей белорусской идеи их польских спонсоров в принципе не интересовали. Поляки видели роль белорусского национализма в одном: распространять своё влияние там, где в силу каких-либо причин нельзя распространить польское влияние. Пропаганда белорусского языка и распространение белорусскоязычной литературы допускались, по мысли польских националистов, лишь там, где пока польскость не была актуализирована как реальность⁴⁴. Кроме того, в обществе Северо-Западного края ходили устойчивые слухи, утверждающие, что белорусский национализм является польским проектом, направленным на раскол русского народа, т.е. отделения белорусов в самостоятельный народ. Справедливости ради стоит отметить, что «краёвые», т.е. проживающие в Северо-Западном крае поляки воспринимали белорусский национализм как русский проект, направленный на полное обрусение уже и так сильно русифицированных местных поляков, под которыми понимались белорусы. Таким образом, общественность края не воспринимала самодостаточность белорусского национализма, связывая его появление то с польскими, то с русскими интригами⁴⁵. Косвенное подтверждение финансовой зависимости белорусского национализма от польских денег является и то, что на прямое обвинение в этом, белорусские националисты ответили, что это не так, но никаких опровержений обвинению не дали. Складывается впечатление, что более-менее логичного объяснения, откуда у белорусского национализма деньги на пропаганду и издательскую деятельность, не было.

Несмотря на все эти рассуждения, следует отметить, что польские партии всех направлений рассматривали территорию, на контроль над которой претендовал белорусский национализм, частью будущей Польши.

Белорусские националисты не могли этого не знать, но продолжали сотрудничать с поляками. Складывается впечатление, что белорусы попросту не могли поступать по-другому, в противном случае они лишились бы единственного источника финансирования. То, что белорусский национализм находился на балансе у польских националистов, подтверждает тот факт, что в период русско-японской войны поляки получали деньги от японской разведки и на встречах революционеров, проводимых японской разведкой, белорусские националисты находились именно по приглашению польской стороны⁴⁶. Таким образом, в период войны белорусские националисты сотрудничали с противником, что, наверное, по всем законам трактуется как измена родине. Во время первой русской революции, в Северо-Западном крае был выпущен ряд антиправительственных листовок, подписанных Польской социалистической партией и Белорусской социалистической громадой. Причём подпись Громады обычно шла после подписи польских социалистов⁴⁷. Складывается впечатление, что белорусский национализм сомневался в своей политической дееспособности без поддержки со стороны. Это подтвердилось после спада революции. Белорусская социалистическая громада не пережила её и фактически распалась, возродившись только после февраля 1917 г., когда любые оппозиционные взгляды стали нормой.

Таким образом, на основании пока косвенных данных можно судить о том, что белорусский национализм сотрудничал со своим идейным противником – польским национализмом, который рассматривал белорусскую активность только с инструментальной точки зрения. Белорусские националисты, скорее всего, понимали это, но не могли противостоять такому положению вещей, поскольку при любой попытке вести себя без оглядки на поляков, можно было лишиться донора. Прямо заявлять о финансировании поляками белорусского национализма вряд ли пока пред-

ставляется возможным и не столько из-за слабости аргументации, сколько из-за политической конъюнктуры. Так как «белорусское национальное движение» и «белорусское возрождение» стали своеобразными символами, и объявление их не самодостаточными явлениями, отражающими чаяния белорусского народа, а всего лишь инструментом политики соседей разрушат один из идеалов.

¹ Официальное название государства на русском языке – Республика Беларусь. Судя по всему, «Беларусь» вместо правильного с точки зрения грамматики «Белоруссия» появилось как политическая акция, чтобы показать свою инаковость по отношению к России и русскому языку и навязать эту норму в чужой язык (в то время, когда принимался закон об изменении названия Белоруссии, единственным государственным языком был белорусский, поэтому написание и проговаривание на русском языке белорусской кальки было, можно сказать, вмешательством во внутренние дела соседнего государства). Другое предположение касательно трансляции на государственном уровне грамматической ошибки – это просто незнание депутатами Верховного Совета БССР правил русского языка, однако, скорее всего, появление «нерусского» звучания слова в русском языке, акция сугубо политическая. В этом ряду можно привести и другие примеры: Молдова вместо Молдавия, Кыргызстан вместо Киргизия, Туркменистан вместо Туркмения, в Украине вместо на Украине. Наверное, это всего лишь подсознательное желание каким-то образом «уколоть» «старшего брата», навязать ему правила своей игры и тем самым приглушить свой комплекс неполноценности.

² Один пожилой человек рассказывал мне, как его отец, крестьянин Могилёвской губернии, в период советской власти хотел устроиться работать на железную дорогу, для чего ему должны были дать паспорт. При оформлении документов его спросили, кто он по национальности. Он заявил, что русский, как и все в его деревне. Ему объяснили, что поскольку он местный житель, то он не русский, а белорус. После того, как он отказался быть белорусом, ему заявили, что он поступает в разрез с национальной политикой советской власти, и пригрозили вызвать сотрудников ГПУ. Не желая подобной перспективы, человек согласился с тем, что он белорус.

³ Лёсік Я. Настаўніцкі з'езд // Творы: Апаваданні. Казкі. Артыкулы. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. С. 34.

⁴ Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. М.: ИЭА РАН, 1995. – С. 81.

⁵ Новіна А. [Луцкевич А.], На дарозі да новага жыцця. – Пецярбург: Друкарня Пенткоўскага, 1912. С. 10.

⁶ Обзор истории революционного движения в Белоруссии и возникновение Громады // Гістарычны альманах. Т. 6. Гародня, 2002. С. 199–203.

⁷ Там же. С. 202.

⁸ Там же. С. 202–203.

⁹ Там же. С. 203.

¹⁰ Карский Е.Ф. Указ. соч. С. 372–402.

¹¹ Тураев В.А. Понятия и термины / Этнополитология. Учеб. пособие. М.: Логос, 2004. С. 384.

¹² Багушэвіч Ф. Творы. – 2-е выд. Мінск: Мастацкая літаратура, 2001. С. 21.

¹³ Карский Е.Ф. Белорусы. В 3 т. Т. 1. / Уступны артыкул М.Г. Булахавы, прадмова да першага тома і каментырыі В.М. Курцовай, А.У. Унучака, І.У. Чаквіна. Мінск: БелЭн, 2006. 656 с. В этом томе в названии IV главы словосочетание «белорусский язык» прямо взято в кавычки (С. 110), а в главе IX понятие «белорусский язык» употребляется как равное по статусу понятию «южновеликорусский язык», которое, несомненно, означает диалект великорусского.

¹⁴ Трёхтомник Карского писался и выпускался с большими перерывами на протяжении почти 20 лет. Первый и второй (в двух частях) тома, а также первая часть третьего тома вышли до революции. Именно на этом материале белорусские националисты доказывали отдельность белорусского языка от русского. Две последние части третьего тома вышли уже при советской власти, когда белорусы были признаны отдельным народом, а белорусский язык отдельным языком уже на уровне власти. Однако Карский остался верен своим научным взглядам, за что и подвергался критике белорусских националистов. Даже сейчас белорусские исследователи утверждают, что Карский «недопонимал» всю глубину отдельности белорусского языка и находился в плену шовинистической и великодержавной российской методологии.

¹⁵ Лёсік Я. Е.Ф. Карскі. Беларуская Речь (Рэцэнзія) // Лёсік Я. Творы: Апаваданні. Казкі. Артыкулы / (Уклад., прадм. і камент. А. Жынкіна). – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. С. 307–308; Луцкевіч А. Я.Ф. Карскі [Некралог] // Луцкевіч А. Выбраныя творы: праблемы культуры, літаратуры і мастацтва / Уклад., прадм., камент., індэкс імёнаў, пер. з пол. і ням. А. Сідарэвіча. Мінск: Кнігзбор, 2006. С. 373.

¹⁶ Новіна А. Указ. соч. С. 6.

- ¹⁷ Ельчанинов В.А., Шайдуров В.Н. Ещё раз о национальных особенностях исторического сознания // www.ic.dcn-asu.ru/~silant/histor/works/08.htm
- ¹⁸ Например, Тихомиров Л.А. *Монархическая государственность*. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. С. 613; Солоневич И.Л. *Народная монархия*. М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991. С. 59 и др.
- ¹⁹ Такие утверждения встречаются очень часто во многих номерах «Нашей нивы».
- ²⁰ См., например, *Русский язык для 4 кл. Применительно к новой программе Мин. Нар. Просвещения для средне-учебных заведений*. Сост. проф. Н.К. Грунский. – Б.г., б.м. На с. 16–18 этого учебника представлен раздел, озаглавленный «Белорусское наречие», в котором даётся характеристика белорусских говоров.
- ²¹ Миллер А.И. *Национализм и империя*. М.: ОГИ, 2005. С. 40.
- ²² Например, «Украинская» болезнь русской нации – М.: Имперская традиция, 2004. 560 с.; Щёголев С.Н. *История украинского сепаратизма*. М.: Имперская традиция, 2004. 472 с.; *Русская Галиция и «мазепинство»*. М.: Имперская традиция. 2005. 592 с. Вполне возможно, что подборка текстов в книгах достаточно однобока, однако в последнее время появляется много исследований, показывающих, что украинский проект не поддерживался теми, кого считали «украинцами», то есть украинская идентичность была навязана. Об этом см., например: Савченко В.Н. *Восточная Галиция накануне Первой мировой войны (этносоциальная ситуация по данным российского Министерства иностранных дел)* // *Отечественная история*. 2005. № 6. С. 32–41; Шевченко К. «Вся Лемковщина была покрыта виселицами...» // *Родина*. 2007. № 9. С. 87–91 и др.
- ²³ Карский Е.Ф. *Указ. соч.* Т. 3. Кн. 2. Минск, БелЭн, 2007. С. 382.
- ²⁴ Например, вторая легальная белорусская националистическая газета «Наша нива» на первой странице постоянно делала комментарий: «Печатается русскими и польскими буквами».
- ²⁵ Тишков В. *Язык и алфавит как политика* // www.archipelag.ru/geoculture/langsnpeoples/Yazikovaya%20politika/la nguage/. Это утверждение имеет и обратную сторону: язык без армии – это уже диалект. Таким образом, оценивать язык/диалект с точки зрения доминирующего убеждения, поддержанного политикой не всегда верно. Видимо, нужно давать оценку, исходя из научных исследований, которые, кстати, тоже могут быть далеко не объективны.
- ²⁶ Багушэвіч Ф. *Указ. соч.* С. 22.
- ²⁷ Сапронов П.А. *Феномен героизма*. Изд. 2-е исправ. и доп. Спб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. С. 12.
- ²⁸ Там же. С. 11.
- ²⁹ Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. *История России в мелкий горошек*. М.: ЗАО «Мануфактура», ООО «Издательство «Единство», 1998. С. 4.
- ³⁰ Карский Е.Ф. *Указ. соч.* Т. 3. Кн. 1. С. 492.
- ³¹ Сапронов П.А. *Указ. соч.* С. 15.
- ³² Нужно заметить, что белорусский национализм старался не конфликтовать с реальной властью. Так, в период до Первой русской революции разговор шёл о культурной автономии, во время революции прозвучали более радикальные призывы (например, свержение самодержавия). Это произошло потому, что власти в 1905 г. были растеряны и инициативу в идеологической доминанте в Северо-Западном крае Российской империи переняли польские националистические и революционные партии. С 1906 г. белорусский национализм вновь переходит на лояльные по отношению к имперской власти позиции, и становится больше культурно-просветительским явлением, чем общественно-политическим. В период Первой мировой войны националисты, оказавшиеся под немецкой оккупацией, зафиксировали свою лояльность оккупационным властям, а в апреле 1918 г., после того, как немецкие войска вошли в Минск, белорусские националисты даже отправили телеграмму кайзеру с благодарностью за избавление от большевизма. После того, как вместо немцев Минск оккупировали поляки, националисты приветствовали нового «освободителя» Ю. Пилсудского. А позже, когда Литва и Польша спорили о том, кому должно принадлежать Вильно, белорусские националисты, оказавшиеся в Литве в обмен на финансовую поддержку литовского правительства обязались признать Вильно исконно литовской территорией, хотя сами претендовали на этот город как на центр белорусской культуры и националистической деятельности. Достаточно ярко коллаборационистскую составляющую белорусского национализма вскрыла Великая Отечественная война. Отчасти последняя проблема затронута, например, в: Беляев А.В. *Местная вспомогательная администрация в системе немецко-фашистского оккупационного режима в Беларуси (1941–1944 гг.)*. Дис. ... к.и.н. Минск, 2005. 132 с.
- ³³ Нужно заметить, что часть, а может быть и большая часть, элиты бывшей Литовской Руси была по происхождению местной, но, переняв польское самосознание, она стала идентифицировать себя с поляками, хотя и понимала, что те и другие поляки отличаются некоторыми элементами культуры, воззрениями и пр. В белорусской историографии эту местную элиту с польской идентичностью называют ополячившимися белорусами. Хотя когда элита перенимала польское самосознание говорить о зарождении белорусов, наверное, рано. Белорусские историки попросту стремятся выстроить полную социальную структуру, чтобы доказать тем самым, что белорусы уже существовали и Литовская Русь являлась ничем иным, как Белоруссией.
- ³⁴ См. подробнее: Гронский А.Д. *Конструирование национального символа: К. Калиновский* // *Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: Материалы IV международной науч-*

ной конференции (26–27 мая 2005 г., г. Гомель) / Под ред. В.В. Кириенко. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2005. С. 269–271.

³⁵ Подробнее о трактовках образа Калиновского и его деятельности см.: Гронски А. Национально-религиозни погледи В.К. Калиновског и њихови одјеци у «Мужичкој истини» за време пољског устанка 1863–1864. године // Српска политична мисао. 2004. Бр. 1/4. С. 243–264; Его же. К вопросу о белорусской ориентации в деятельности В.К. Калиновского // Актуальные проблемы науки и образования. Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции (г. Новозыбков, Брянская обл., 27 – 28 октября 2005 г.); В 2-х ч. / Ред. кол. В.Н. Пустовойтов, С.Н. Стародубец, А.В. Шлома. Ч. 2. – Брянск: РИО БГУ, 2005. С. 88–93; Его же. Кастусь Калиновский: конструирование героя // Беларуская думка. 2008. № 2. С. 82–87.

³⁶ Однако образ «белорусского героя Кастуся Калиновского» закрепился в массовом сознании только в период советской власти. Причём, до сих пор Калиновский считается именно белорусским национальным героем, и доказательства обратного зачастую попросту не принимаются.

³⁷ Не хочу ставить под сомнение качество научных исследований абсолютно каждого непрофессионала. Уверен в том, что среди любителей есть люди, достойные, предрасположенные к проведению качественных научных исследований, учёные от Бога. Однако таких людей среди любителей не сотни и даже не десятки, а единицы. Поэтому состав историков и филологов ранней Белорусской академии наук и вызывает у меня определённые сомнения в их компетентности. Люди, пришедшие из политики и начавшие заниматься наукой (можно в отдельных случаях это слово взять в кавычки) ради обоснования своих политических взглядов, вряд ли смогут отойти от ремесленного подхода к исследованиям, поскольку набор методов у них ограничен, да и привыкли они делать науку не ради науки, т.е. ради нахождения истины, а ради доказательств того или другого политического лозунга, т.е. выводы научных исследований для них уже были заранее известны, нужно только найти этим выводам более-менее разумное и логичное обоснование. Причём, вряд ли эти вводы можно обозначить как гипотезу, которую выдвигает учёный и после старается подтвердить её корректность. Исторические «гипотезы» белорусских националистов были именно убеждениями, ради подтверждения которых можно было спокойно пойти на изменение текстов источника или иные ненаучные, но необходимые для обоснования «правильности» национализма действия.

³⁸ Лёсік Я. Указ. соч. С. 307–308; Луцкевіч А. Указ. соч. С. 373; Беларусізацыя. 20-я гады: Даўменты і матэрыялы / Пад. агульная рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. Мінск, БДУ, 2001. С. 245, 246, 248, а также собственно работа Карского «Белорусы».

³⁹ Смалянчук А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–люты 1917 г. СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. С. 345.

⁴⁰ Баршчэўскі А. Вялікая і малая айчына ва ўспрыяцці беларусаў з Усходняй Беласточчыны // Беларусіка-Албарутеніка. Кн.6., ч. 1. Мінск: Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1997. С. 299.

⁴¹ Кстати, если анализировать периодическую русскую организаций, которые исповедовали идею западнорусизма, то своими идеологическими противниками они считали не белорусские, а польские и еврейские организации, оказывавшие куда намного более серьёзное влияние на ситуацию в регионе. На белорусские группировки внимание обращалось лишь иногда, когда эти группировки слишком активно пытались критиковать действия западнорусской интеллигенции или правительственных чиновников. Белорусских националистов не видели в качестве серьёзных противников ни русские, ни польские националистические организации.

⁴² Наша Ніва. Першая беларуская газета з рысункамі. [Факсімільнае выданне]. Б.м., б.г. Вып. 3. 1910 г. Б.г. С. 416.

⁴³ Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі. СПб.: Невский простор, 2003. С. 17.

⁴⁴ В частности, в «Нашей ниве» встречается ряд интересных статей, в которых белорусские националисты с возмущением воспринимают высказывания польских политиков относительно роли белорусского национализма. Белорусские авторы, естественно, возмущались подобными заявлениями, но ничего поделать с этим не могли. Реальность того времени была не в их пользу.

⁴⁵ Смалянчук А.Ф. Указ. соч. С. 344.

⁴⁶ Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция / Тайны русско-японской войны. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. С. 80.

⁴⁷ Улёткі 1905–1907 гадоў // Цётка. Выбраныя творы / Уклад., прадм. В. Коўтун; камент. С. Александровіа і В. Коўтун. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. С. 227–228. Кроме того, ряд листовок выпускался собственно белорусскими националистами.